

Курендзис Теодор
(дирижер, Греция)

06.01
(ижек)

131

ПРИЗВАНИЕ: ДИРИЖЕР

ОПЕРНЫЙ ДЕБЮТ МОЛОДОГО ГРЕЧЕСКОГО ДИРИЖЕРА ТЕОДОРА КУРЕНДЗИСА В «ГЕЛИКОН-ОПЕРЕ»

Большой театр. — 2001. — июнь (ижек). — с. 24

Слух об этом музыканте быстро распространился из Петербурга в Москву. Все повторяли из уст в уста, что великий Мусин за несколько месяцев до смерти сказал, будто у него было много высокоталантливых учеников, но гениальный — только один. И назвал имя грека Теодора Курендзиса. Когда в прошлом году в Москве показывали какое-то очередное действо о Нижинском с участием драматических и балетных актеров, один знакомый молодой певец познакомил меня с «мужем балерины Юлии Махалиной» (участвовавшей в действе) — им как раз и оказался молодой грек, имя которого в узких кругах уже стали произносить свистящим шепотом. В нем чувствовалась повадка музыканта, занятого несуетными мыслями об искусстве, — и заверения великого мэтра в гениальности ученика не казались преувеличенными. Восьмушка бурлящей во мне греческой крови порадовалась за «исторических предков», а художественный руководитель «Геликон-оперы» Дмитрий Бертман, вероятно, испытав на себе напор моей восторженной интуиции, предложил Курендзису сотрудничество. Молодой maestro должен был поставить вместе с Юрием Любимовым «Волшебную флейту» — но финансовые неурядицы расстроили планы «Геликона». Курендзису предложили продирижировать четырьмя «ординарными» спектаклями «Аиды». На второй из этой серии я попал, удовлетворяя потребности своего любопытства и желая проверить возможности своей интуиции.

С первой же ноты — никаких преувеличений! — по коже поползли мурашки. Знакомый оркестр «Геликона» интонировал что-то сенсационно новое, дышал и пульсировал как-то по-новому, заставляя нас ждать чудес и открытий. Забегая вперед, хочу сказать: оркестр

вовсе не играл идеально, его слитность нельзя было назвать совершенной, не обошлось и без киксов, но — все эти расхожие недочеты и небрежности, хоть и лезли в уши, накладывались заплатками на драгоценную музыкальную ткань такой выделки и такой красоты, что проходили где-то «по ту сторону наслаждения».

За дирижерским пультом стоял высокий стройный джентльмен с длинной шеей и длинными руками. Я в принципе вполне равнодушен к мануальной технике дирижера как самодовлеющей категории — но здесь она бросалась в глаза как художественное достижение. Вся фигура дирижера — в «Геликоне» выставленная на всеобщее и многостороннее обозрение — словно обработанная искусным хореографом, выражала дух играемой музыки. Вместе с дирижером оркестр и хор, а вслед за ними и солисты отправились в плавание по волнам метафизического Нила. Лидер властно вел их по пустыне сухих и тихих ожиданий, приводил к плодородным берегам многофигурных фресок и разливам многомерных тутти, заводил в чащи роковых чувств, возносил в главные полеты над широкими морями. Музыкальные образы легко и прихотливо переплывали под орлиными руками maestro в роскошные видения и очищенные идеи.

Честно признаюсь, что театральные подробности спектакля отступали на второй план. Постановка Дмитрия Бертмана сочинена искусно, но насчитывает уже несколько лет проката и — при стремительном внутреннем развитии режиссера — представляется в чем-то «отыгранной» (неслучайно для Страсбурга Бертман только что создал совершенно новую постановку вердиевского шедевра). Некоторые детали, которые раньше ярко вскрывали

режиссерскую концепцию (в частности, появление в сцене триумфа «юных древнеегипетских пионеров»), вдруг показались ненужными. Курендзис бросил музыку «Аиды» в такую кардинальную переплавку, что не все музыкальные открытия в стиле «от кутюр» адекватно наложились на чуть заношенное театральное «прет-а-порте». Певцы «Геликона» старались сверх меры — но не всегда умели идти путем, которым вел их дирижер. Maestro разомкнул стены геликонского зала и вышел вместе со всеми в открытое пространство «всемирного театра». Все охнуло, набрав в легкие свежий воздух. Вдохновеннее других следовал за maestro знаменитый хор «Геликона», падкий на задачи высшей сложности. Страстные любовные пассажи, взвихрения эмоций вдруг переходили в тихие воркования небесных горлинок, музыка текла неостановимым потоком вперед — и мы вместе с героями ощущали, как милюноколесная машина власти, творя свой триумф в устрашающих маршах и садистских экзекуциях, проезжалась по живым чувствам живых людей и дробила все в мелкие осколки...

Пусть читатель не думает, что автор этих строк щеголяет цветистой образностью ради красного словца. Просто сильные художественные впечатления трудно подчас переключить в слова сухого и безжалостного анализа, потому и приходится обращаться за помощью к беллетристике...

От «Аиды» с участием Теодора Курендзиса осталось ощущение, которое не спутаешь ни с чем: явственно чувствовалось, что за пультом стоял человек, которому предстоит делать музыку XXI века.